

Аркадий Мацанов

НАХИЧЕВАНЕЦ

Начало в № 5 (188) — 8 (191)

— Отец! — бросился к нему Рубен. — Наконец я тебя вижу! Ты все работаешь...

Григорий Христофорович обнял и расцеловал сына. Потом прошел в комнату и сел в свое кресло. Рубен помнил, что это кресло всегда было местом отца.

— Ты садись, садись, сынок, и расскажи, где тебя носило? Знаю, что воевал, что награжден георгиевскими крестами. Потом был ранен. Расскажи. Я должен все знать.

Подошла Софья Андреевна, и сказала, вытирая руки полотенцем: — Гриша, может, сначала поедите? Рубен с утра ничего не ел. Мы ждали тебя!

— Как, ты не накормила до сих пор сына?! На тебя не похоже! Ну что ж, давайте обедать. Поговорить можно и за обедом.

Они сели за стол, и Рубен во всех подробностях рассказал о себе все, что случилось с того момента, как в пятнадцатом году добровольцем пошел на Кавказский фронт и оказался в тридцать пятом армейском корпусе.

Софья Андреевна подробно расспрашивала сына об Ануш. А Григорий Христофорович достал заветную бутылку вина.

— Давайте выпьем за упокой души моей невестки и нерожденного внука! Я так мечтаю дожить до твоих детей, но при той жизни, что у нас сейчас, вряд ли смогу...

— Давай прекратим эти разговоры, отец, — попросил Рубен и перевел тему. — Как наши соседи? От мамы я узнал, что ее оперировал Лев Маркович. Как они там? Как их маленькая Олечка?

Григорий Христофорович долго не отвечал на вопрос сына. Молчание затягивалось, и Рубен уж подумал, не поспорил ли он с соседом.

— Льва Марковича и Евгению Наумовну в январе расстреляли. Обвинили в каком-то заговоре, в шпионаже, принадлежности к организации «Ахалуч», как видишь, можно погибнуть, не выезжая на фронт.

— А их дочурка? — Какая она дочурка? Двадцать пять скоро, кажется, в ноябре. В Москве училась, на медицинском факультете. Больше я о ней ничего не знаю. Сусанна ее видела. Тяжко все это. Какое сердце выдержит... Не знаю...

Больше до конца обеда он не проронил ни слова.

Несколько лет назад Григорий Христофорович опубликовал свою «Красную книгу», которую не мог не написать. Долгими вечерами, пока Рубен отдыхал в отчем доме, он внимательно читал ее, делал какие-то заметки, размышлял, беседовал с отцом.

— Зло рождает зло, — говорил Григорий Христофорович. — Мне одинаково больно, когда издеваются и мучают, грабят и убивают невинных людей, какой бы национальностью они ни были! Народы должны создать международный трибунал, который бы призывал этих извергов к ответу, какой бы веры они ни были, в какой бы стране ни жили.

— Аналог Высшего суда? — серьезно спросил Рубен.

— Может и так... Нельзя штрафовать преступников, убивающих стариков и детей, беременных женщин... вообще мирных граждан! Уверен, что рано или поздно, народы мира создадут такой суд! Только жаль, я уже до этого не доживу. Потому и написал эту книгу как свидетельство того, что было. В ней собран все документы, какие смог. Может, она пригодится такому суду...

— Ладно, отец... Теперь расскажи что-нибудь веселое. Как твои дела? Чем ты занят? Какие вести у тебя от всех наших?

Их беседы затягивались до глубокой ночи.

Через три недели Рубен поездом выехал в Москву на новое место работы.

По возвращении сразу же отыскал Сусанну.

Это была стройная брюнетка с голубыми, как летнее небо, глазами. Она уже успела побывать замужем, а теперь снимала квартиру и готовилась второй раз вступить в брак с поэтом и переводчиком Иваном Аксеновым.

Сусанна обрадовалась встрече, рассказала о своей жизни в Москве, обещала познакомить с женихом. Она вся светилась, говоря о своих друзьях — Анатолии Мариенгофе, Сергее Есенине, Иване Аксенове... Читала ему свои стихи.

...Только дни навсегда потеряны, словно скошены травы ресниц, Наверное, так дерево Роняет последний лист.

Рубен плохо понимал в поэзии. Но, видя, с каким восторгом, даже упоением сестра читает свои стихи, он улыбался и гладил ее по голове, словно она совсем маленькая.

— Между прочим, — вдруг сказала Сусанна, — в Москве учится Ольга Левина. Помнишь, они жили с нами по соседству?

Рубен равнодушно поинтересовался, где именно учится. Узнав, что на медицинском факультете, отвернулся. Не хотел, чтобы сестренка заметила его грусть. Он вспомнил свою Ануш и заторопился. Хотелось побыть одному.

Ольга Левина окончила медицинский факультет Московского университета и стала работать педиатром. Работы было много: кроме ежедневных приемов в поликлинике, под ее опекой было два сиротских дома, подчиняющихся Народному комиссариату государственного призрения. Как молодому специалисту ей выделили комнату в Ермолаевском переулке. В квартире проживали еще две семьи: рабочий московского автомобильного завода имени Ферреро с женой и дочкой пяти лет и герой Гражданской войны без ноги, со старухой-матерью. Соседи были спокойными, все жили дружно, и никаких неприятностей с этой стороны у нее не было.

Ольга с утра и до позднего вечера была занята работой. Она любила детей. В подшефный сиротский дом не шла без конфет, игрушек. Дети ждали ее и, когда она приходила, не отходили от нее, цеплялись за платье, малыши просились на руки и были счастливы, если «тетя Оля» обратит на них внимание, скажет ласковые слова, погладит по головке.

Сиротский дом занимал невысокое старое здание, давно требовавшее капитального ремонта. Беднота и убогость были такими, что у Ольги просто разрывалось сердце. Часто она подолгу засиживалась у ребят, читала им сказки, рассказывала веселые истории...

Однажды, возвращаясь вечером домой, в задумчивости переходя дорогу, чуть не попала под колеса быстро мчавшейся коляски. Кучер натянул поводья и с трудом остановил разгоряченных быстрым бегом лошадей. К Ольге подбежал вихрастый парень, и, обеспокоенно спросив, не сильно ли они ушибли гражданку, предложил подвести ее домой.

— Где вы живете? — спросил он.

— Здесь недалеко, в Ермолаевском переулке...

— Сильно ушиблись?

— Нога болит, но перелома нет... Сама виновата... Нечего ворон ловить, когда переходишь улицу. Я врач, сама себя вылечу!

Парень взглянул на девушку и представился:

— Иван Конохов... А вас-то как звать-величать?

— Ольга я, Левина.

Так они познакомились...

После того случая Иван несколько раз навещал Ольгу, приносил цветы. Это было так необычно, что сердце ее дрогнуло...

А через три месяца Иван и Ольга расписались в загсе и стали жить вместе.

Иван служил в НКВД, уходил рано, приходил поздно, а иногда и вовсе не приходил ночевать. Ольга понимала — работа такая...

Родители ее сухо отнеслись к выбору дочери, но ничего не сказали. Приехав на свадьбу, Лев Маркович почти не разговаривал с зятем. Впрочем, и жених сильно в друзья не набивался, но к невесте относился с нежностью и всякий раз говорил, что счастлив и верит, что у них все будет хорошо.

— Все в наших руках, — говорил Иван. — И это просто замечательно, что Оленька моя — детский врач. Я люблю детей, и у нас будет много детишек!

О себе не распространялся или повторял фразы газетных передовиц.

Нельзя сказать, что Ольга была счастлива, но понимала, что пора... Пора строить семью, рожать детей... Иван нравился ей своей открытостью, жадной знаний и гордостью за то, что делает. Импонировала его категоричная убежденность в правоте того, что делает, пришедшая к власти партия большевиков...

— Кто не с нами, тот против нас! Врагов революции нужно безжалостно уничтожать! Еще, кажется, Ленин говорил, что свершить революцию — это лишь полдела! Самая важная и самая трудная задача — ее удерживать...

Через год Ольга забеременела. Казалось бы, все хорошо. Но однажды Иван прислал сотрудника сообщить жене, что ранен и лежит в госпитале. У Ольги случился выкидыш.

Потом она ежедневно навещала мужа, приносила домашние вкусности. А однажды, когда ему уже стало лучше, они сидели у корпуса госпитала в скверике, и Иван рассказал, что ранен был, когда задерживали знаменитого грабителя Фролова.

Потом, понизив голос до шепота, признался, что бандит тот был внедрен ЧК в воровской мир в качестве секретного агента. Но очень скоро стал по-настоящему дерзким налетчиком и грабителем...

Уже в те годы шли аресты политических противников советской власти. Арестовали и выслали членов Комитета помощи голодающим Поволжья, закрыли Общество помощи политическим заключенным, созданное бывшей супругой писателя Горького Екатериной Пешковой...

Когда Иван вышел из госпитала и приступил к службе, его словно подменили. Он стал грубым, всем и всеми недовольным человеком. Приходил домой часто пьяным, зло ругался и кого-то проклинал. А после того как в 1925 году арестовали родителей Ольги, стал еще разнужданнее и грубее.

Однажды, застав Ольгу плачущей по родителям, вместо утешения цыкнул:

— Прекрати мне тут нюни распускать! Ты понимаешь, что вся эта история может нам жизнь испортить? Мне сразу не понравился твой папаш! Не наши они, нет, не наши! Буржуи недобитые...

— Кто ты такой говоришь?! Отец всю жизнь хирургом работал! Какой он буржуй?!

— Враги в любую личину рядятся... Если кто у нас прознает, считай, и мне каюк! Но я ведь предан революции... а тут из-за женойной родни, из-за каких-то пархатых все полететь может к черту?!

— Тогда давай разойдемся, — предложила Ольга. — И мне, и тебе будет лучше...

Иван посмотрел на нее тяжелым взглядом и с сожалением сказал:

— В том-то и штука, что у нас и разводы не приветствуются...

— А мы тихо... Ты говорил, что тебя хотели направить в Ленинград? Вот и езжай! А я в Москве останусь.

Он встал, оглядел комнату, и начал собирать вещи, приговаривая:

— Я и здесь что-нибудь придумаю. В воскресенье приеду, заберу остальное... Будем считать, что договорились с тобой полюбовно...

После того разговора Ольга год Ивана не видела, ничего о нем не слышала, впрочем, и не хотела ни видеть, ни слышать. У нее появилось неприятие мужчин. Общались целыми днями с чужими детьми, находила в этом счастье. Относилась к сиротам как к своим детям.

А в 1930 году неожиданно вечером к их дому подъехала машина. Из нее вышел Иван. Он был важный, в форме и с пистолетом на ремне. Ольга побледнела, думая, что муж пришел ее забирать к себе. Они ведь так и не развелись официально, и она продолжала носить его фамилию. Но что-то говорило: все не так.

«Значит, все-таки пролез до высших чинов, раз на машине приехал», — думала Ольга, словно школьница стоя перед мужем.

Иван прошел в комнату, с каким-то презрением оглядел все вокруг, отказавшись присесть, холодно сказал, что оформил развод и Ольга теперь снова Левина. Ей следует зайти в районный загс за новым паспортом.

Прошло еще шесть лет... Однажды на Моховой, в июне 1936 года, у магазина Ольга случайно встретила Сусанночку Чалхушьян. Было жаркое лето, и женщины, прячась от палящего солнца, зашли в небольшой скверик, что на углу Воздвиженки. Присев в тени на скамейку, подруги детства принялись расспрашивать друг друга о жизни. Сусанна рассказала Ольге, что дважды была замужем. Второй муж умер в сентябре прошлого года.

— Теперь я вдова, — печально проговорила Сусанна, — впрочем, по-прежнему увлечена поэзией, печатаюсь под псевдонимом Сусанна Мар, работаю в одном издательстве переводчицей. Но что обо мне да обо мне. Рассказывай, Оленька! Ведь когда-то мы с тобой были закадыч-

ными подружками! Я так рада, что мы встретились! С ума сойти, живем в одном городе — и ни разу не повстречались...

Когда Ольга рассказала ей о своей семейной драме, Сусанна принялась успокаивать подругу.

— Не стоит расстраиваться. У тебя все впереди! Тридцать пять — еще не возраст! И у меня не все так гладко, как хотелось бы. Замужем была за одним, любила другого, но понимаю, что с ним никогда мы не сможем быть вместе. Что мне остается? Живу... Ты в Нахичевани давно не была?

— Кто меня там ждет? Родителей нет... Страшное время... Кто бы мог подумать?!

— Но жить нужно, — сочувствуя подруге, произнесла Сусанна. — Потом, вспомнив о чем-то, вдруг предложила: — Ты приходи-ка двадцать четвертого ко мне в гости! Это воскресенье. Посидим... Я всегда отмечу день рождения своего любимого.

— Что, и он будет? — удивилась Ольга.

— Вряд ли. У меня же с ним любовь лишь платоническая. Духовная близость. Но кто нам, девушкам (Сусанна улыбнулась и обняла Ольгу), мешают посидеть, помечтать...

Она достала блокнот, который всегда носила с собой, и карандашом написала адрес.

— Приходи часам к семи... Буду рада...

Когда спустя несколько дней Ольга пришла к Сусанне, в ее небольшой квартирке за столом уже сидел стройный черноволосый мужчина с аккуратными усами и такими же, как у сестры, голубыми глазами.

Ольга зашла в комнату, морщась от яркого света.

— Рубен, не узнаешь свою королеву?! Это же Оленька Левина, моя верная подружка далекого детства... наша нахичеванская соседка! — воскликнула Сусанна.

Мужчина смотрел на Ольгу с видимым замешательством, не узнавая ее. Он хорошо помнил маленькую забавную девочку, которая смотрела на него с восторгом и верила всем его сказкам. Но в этой женщине он не находил ничего общего с той розовощекой смешной девочкой.

— Ты ее называл «моя королева», — с улыбкой и удивлением подсказывала Сусанна, — за что я, признаюсь, очень ей завидовала...

Рубен с удивлением и восхищением смотрел на Ольгу. Черные волосы ее ниспадали до плеч. Ровный тонкий нос. Огромные темно-зеленые глаза и ямочки на щеках, когда она улыбалась.

«Действительно, королева...» — подумал он.

«Почему он здесь один? Или не женат до сих пор? Вряд ли», — подумала, в свою очередь, Ольга.

После небольшой паузы Рубен спросил:

— Олешка, почему одна? Где твоя вторая половина?

— Была, да сплыла, — ответила она, удивляясь, что и он думал о том же. — Не сошлись характером... А ты почему один?

— Был женат... Убили мою Ануш... Беременную... В Баку... Турки... — Рубен на минуту замолчал, опустив голову. — Привык к одиночеству...

— Ну хватит душу себе рвать... — прошептала Сусанна и уже громко, с деланой веселостью в голосе, воскликнула — Рубен, кто мужчина у нас за столом?! Разливай вино. Специально в Торгсине купила на последние деньги, что остались после смерти моего Ивана Александровича. Выпьем за встречу. За то, что мы нашли наконец тебя, Оленька!

Потом каждый рассказал о себе — ведь не виделись много лет. Сусанна подошла к этажерке, на которой теснились какие-то книги и журналы, достала томик и стала читать, предаваясь чтению такими словами:

— Эти стихи я написала давно и посвятила человеку, чей день рождения мы сегодня отмечаем...

— Он что, — усмехнулся Рубен, — ушел из жизни?

— Нет, он жив, и пусть живет еще долго... Он никогда здесь не был, но я его очень...

Она на секунду замаялась.

— Очень уважаю... Вы послушайте! И она стала читать — распеваю, как обычно читают поэты свои стихи:

Осушить бы всю жизнь, Анатолий, За здоровье твое, как бокал. Помню душевные дни не за то ли, Что взлетели они, словно сокол...

Ольга почти не слышала ее. Сердце ее колотилось в груди, в голове звенела колокола Успенского собо-

ра: «Он один... Его беременную жену убили турки в Баку... Боже мой, как схожи наши судьбы!»

Потом откуда-то издали голос Сусанны:

...Только дни навсегда потеряны, словно скошены травы ресниц, Наверное, так дерево Роняет последний лист.

Она снова подняла бокал с вином и предложила:

— Давайте выпьем за его здоровье! Поверьте, он стоит того. Никто с нею не стал спорить. Выпили.

Рубен пошел провожать Ольгу. — Я рад, что встретил тебя, будто в юность вернулся. А мне ведь уже сорок восемь!

— И я рада... Ведь маленькой девочкой я в тебя была влюблена, — тихо призналась Ольга.

Рубен, ведший ее под руку, вздрогнул. Он остановился и, слегка прижавшись к ней, сказал:

— Мы должны быть вместе! Хочу, чтобы ты была счастлива!

Он обнял ее и поцеловал в губы. Ольга ответила на его поцелуй.

— Голова кружится! Только не торопи события... Я должна привыкнуть к мысли, что у меня еще возможно счастье!

Через полгода Ольга переехала из своей комнатки в квартиру Рубена... Он написал родителям о том, что встретил Ольгу Левину и они собираются объединиться, но свадьбы не будет. Уж очень неспокойно и тревожно на душе. Обещал, что в первый же отпуск приедут и в Нахичевани отпразднуют это событие.

И действительно, этот год был каким-то черным. По всей стране проходили аресты. Взяли нескольких ученых и технических сотрудников Академии наук. Напуганные люди перестали улыбаться, рассказывать анекдоты. Каждый ждал, что следующим будет он.

— Страшно становится жить, — говорил Рубен вечерами Ольге. — Поверись, мне приходилось бывать на фронте, где в любой момент могли убить. Разрывы снарядов, пулеметные очереди, турецкие ятаганы. Но такого чувства тогда не испытывал... Проклинаю себя за трусость, но ничего с собой поделать не могу!

— Напрасно ты себя кланяешь! Там ясно было, где враг и за что вы воевали. Теперь все иначе. Ты только будь осторожен. Не говори лишнее... Береги себя, ты нам очень нужен.

Сказала — и вдруг покраснела.

— Нам? Кому это нам? — удивился Рубен.

Потом вдруг понял, о ком говорит Ольга, и обнял ее. В его глазах было столько радости, что, казалось, нет в мире сейчас счастливее человека. Он вопросительно заглянул в ее глаза.

— Да, — ответила на немой вопрос Рубена Ольга. — Нам уже четыре недели!

Он на радостях не знал, что сказать любимой, целовал ее губы, глаза, волосы, прикладывая ухо к животу, будто мог услышать, как бьется сердечко его сыночка. В том, что будет сын, он нисколько не сомневался. Потом вдруг отстранился и внимательно посмотрел на Ольгу.

— Знаешь, о чем я сейчас подумал, родная? — грустно спросил он. — Может, и хорошо, что мы еще не оформили свои отношения...

Ольга побледнела.

— Ты что-то чувствуешь? Тебя могут арестовать?

— Я ничего не знаю... Работаю экономистом, никуда не лезу. Но у нас арестовали людей, в честности и порядочности которых я совершенно не сомневаюсь.

Ольга со страхом смотрела на Рубена. Потом тихо проговорила:

— Наши отношения — секрет Полициея. Если тебя арестуют, мне не избежать участи жены врага народа... Но я без тебя не хочу жить... Я люблю тебя, люблю с самого детства...

— Подожди, подожди меня хорошо. Даже арест, он тоже не на всю жизнь... Но ты права. Как только что-то произойдет, ты сразу же уедешь! Дай мне слово!

— Я же работаю... И куда мне ехать?!

— К родителям в Нахичевань! Они не дадут тебя в обиду...

Но проходили недели, а Рубена никто не тревожил. Он настоял, чтобы Ольга ушла с работы «по семейным обстоятельствам».

— Проживем на мою зарплату. Тебе нужно больше отдыхать, бывать на свежем воздухе...

Продолжение следует